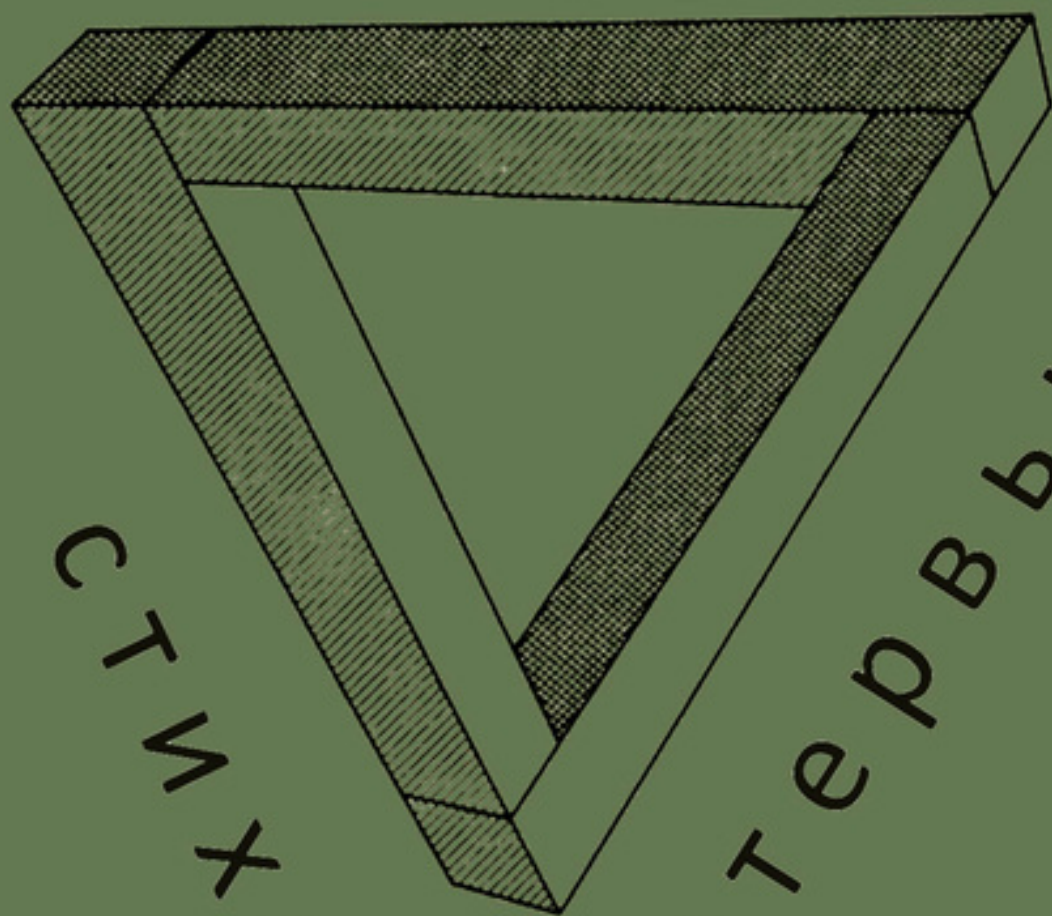

мишель деза

СТИХИ

И ИНТЕРВЬЮ

Мишель Деза

Стихи и интервью

«Пробел-2000»

2014

УДК 821.161.1-1 Деза
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Деза М. М.

Стихи и интервью / М. М. Деза — «Пробел-2000», 2014

ISBN 978-5-98604-442-2

Сейчас мне 75 и душа, предчувствуя растворение во времени, пытается сделать порядок и накрыть стол до прихода Гостыи. Всю жизнь я писал математические статьи и книги; с 1973, на английском языке, так как эмигрировал (из Москвы в Париж). Пять из этих книг переведены на русский язык. Но в этой книжке собрана только моя ненаука на русском, т.е. стихи и интервью русско-эмигрантской прессе. Стихи я писал в 1959-1962, просто для себя, и бросил. В 1983 в Париже, под тёплым давлением «Синтаксиса» (Афоня), издал у них сборник «59–62». А в 2013–2014-м опубликовал «73–76» (так как частью по записям тех перво-эмигрантских лет) в «Новой Юности», и затем совсем новые поэмы «Путями времени» и «Brevitas» в «Семь искусств». Интервью были (в 1991, 1995–96, 2001 и 2008–09 годах) замечательным людям: писателям Саше Гольдштейну и Ире Солганик, критику Лиле Панн и издателю Ире Врубель-Голубкиной. Мишель Деза, Париж, 2014

УДК 821.161.1-1 Деза
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

ISBN 978-5-98604-442-2

© Деза М. М., 2014
© Пробел-2000, 2014

Содержание

Введение	6
Стихи	9
59-62	9
Познание	10
Эволюция	12
Знаки	15
Человек	17
Страх и ненависть	19
Смерть	20
Пейзажи	21
Звуки	22
Прикосновения	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

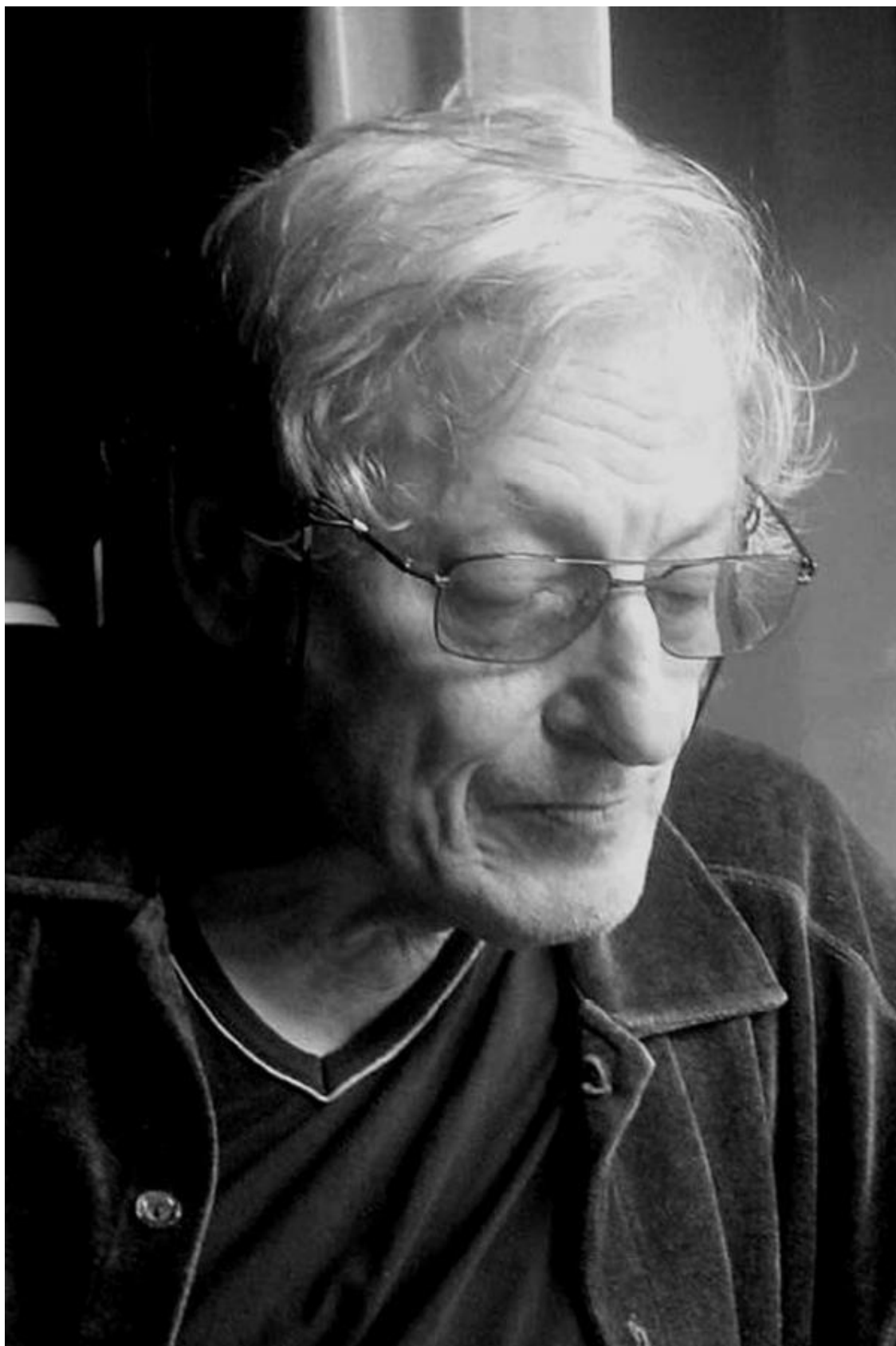
Мишель Мари Деза

Стихи и интервью

© Деза М., 2014

© «ПРОБЕЛ-2000», 2014

Введение

Сейчас мне 75 и душа, предчувствуя растворение во времени, пытается сделать порядок и накрыть стол до прихода Гости.

Всю жизнь я писал математические статьи и книги; с 1973, на английском языке, так как эмигрировал (из Москвы в Париж).

Пять из этих книг переведены на русский язык. Но в этой книжке собрана только моя ненаука на русском, т. е. стихи и интервью русско-эмигрантской прессе.

Стихи я писал в 1959–1962, просто для себя, и бросил. В 1983 в Париже, под тёплым давлением «Синтаксиса» (Афоня), издал у них сборник «59–62».

А в 2013–2014, опубликовал «73–76» (так как частью по записям тех перво-эмигрантских лет) в «Новой Юности», и затем совсем новые поэмы «Путями времени» и «Brevitas» в «Семь искусств».

Интервью были даны (в 1991, 1995-96, 2001 и 2008-09 годах) замечательным людям: писателям Саше Гольдштейну и Ире Солганик, критику Лиле Панн и издателю Ире Врубель-Голубкиной.

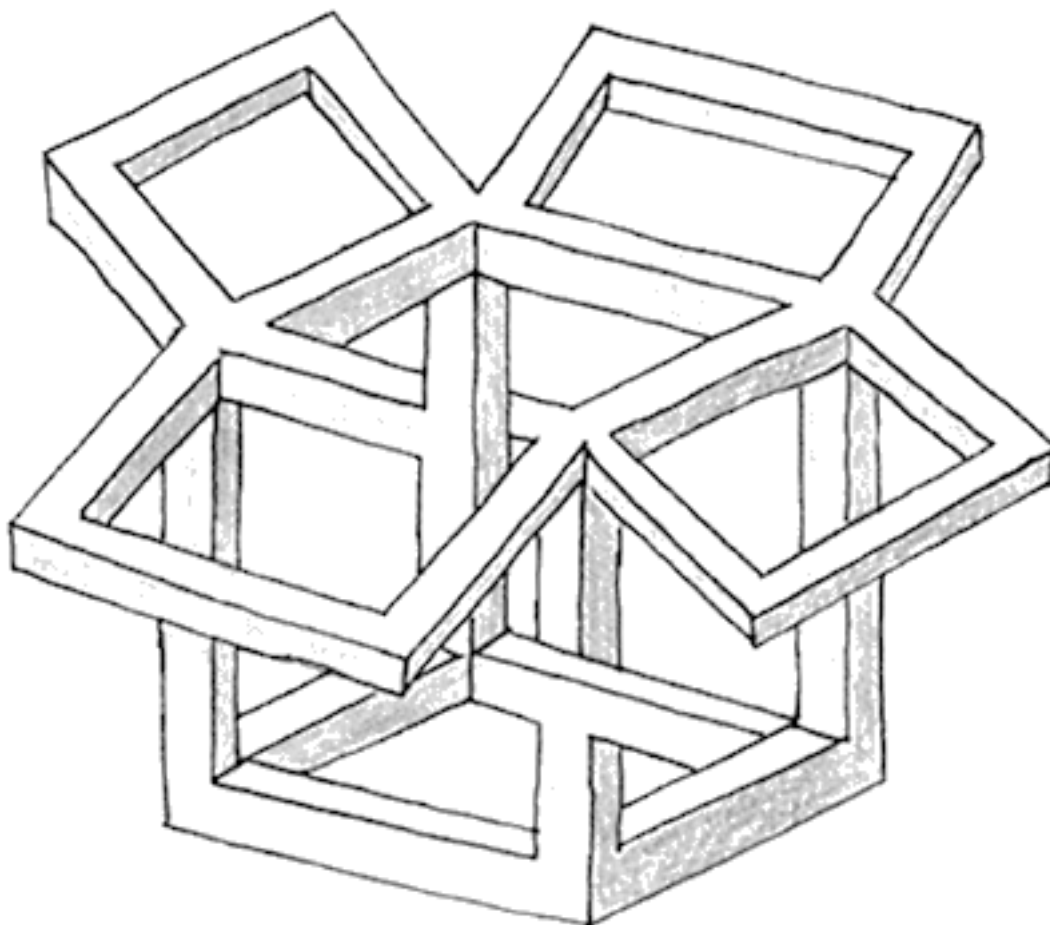
Мишель Деза, Париж, 2014

Москва, 1960-е

Стихи

59-62

В мои двадцать-двадцать два, т. е. 1959–1962, у меня появился голос, но еще не было души. Короче, я писал стихи и начал было жить этой второй безопасной жизнью в приручаемых словах. Но что-то во мне просилось из воды на сушу, в застекольный хруст необратимых процессов, в жабры-раздирающее пение и кисло-сладкое беззаконие «ревльной жизни», приютившее Рембо. А может быть это от уважения к неСлову и Тьме (как не было слов в песнях моих хасидских предков).

Итак, я запретил себе-ему записывать чувства, образы etc. Возможно было лишь произнести, т. е. только в несправедливом окружении собеседника, на милость его памяти и корысти, для защиты и соблазна. Так стали мои слова евреями слов, страхорождённые и без страха смертные.

Как траппист куёт из молчания звуком, так и я стал скульптурой своего молчания письмом. Вместо подлого бессмертия и второго шанса литературы, вместо истекания, я стал сам погоней и замыканием кривых.

Так напрыгал я себе, как лягушка в молоке, масле души.

А ценою этому явилась моя неслучившаяся карьера малого московского поэта.

С той славной преступной пары прошло более 20 лет.

Пусть плеснётся здесь, в зеркальце несуществования, этот неживший, старший и страшный брат. Нижеследующее (с малыми сокращениями) – что осталась от него.

Познание

Познание – ученые ползут друг за другом по запаху.

* * *

Куда ни посмотри на мир, в темной Стене открывается ход на всю ширину взгляда. Сверкают в отверстиях бледные зубы и звенят клинки.

* * *

В достаточно большой куче навоза всегда есть жемчужное зерно, в любом достаточно глубоком колодце лежат ключи от всех мировых тайн.

* * *

Все турбины в мире богов вертятся на энергии человеческих отношений.

* * *

Надо познать все методы доказательства, чтобы знать, каким языком нельзя говорить с божеством.

* * *

Существование Бога – это юридический вопрос доверия к опыту.

* * *

Допустим, Бог решил все объяснить людям, – но было плохо со средствами связи. Он, скажем, сообщает по одной букве в тысячу лет. Пока мы просто беспокоимся между двумя буквами. Прошло 6 тысяч лет, а Бог начал с длинного слова.

* * *

Боги живут в промежутках несравнимых миров. Бесконечность не есть очень много наших конечных предметов.

Она создана из своих непостижимых кусочков.

* * *

Познание – смотреть в огромную замочную скважину с подобающим страхом и завистью.

* * *

Познание – террор относительности, озарение и судорога лицемерия, жертвоприношение гипотезы.

* * *

Как рожденный женщиной не страшен, так созданное человеком вызывает не более, чем родственническое любопытство, панибратство и зависть.

* * *

Законы природы – выражение на лице Бога. Медленно меняется у него настроение. Что будет в пятом веке после нашей эры?

* * *

Я видел один из прекрасных миров. Ничего не скажу о нем – я не доносчик. Когда-нибудь за это будут пытаться.

Позор Ницше, Метерлинку и Ньютону. Ах, прелесть молчать о совершенстве, ничего не напоминать и не повторять дважды.

* * *

Компромисс между творчеством и «зачем ты это делаешь» происходит у меня даже раньше появления первых слов-добровольцев.

Трудно тащить собственный труп, хоть бы и пять метров.

* * *

Самоцель познания – компактность, уменьшение энтропии.
Ассоциация пытается заменить два объекта новым третьим.
Факты сублимируются в закон.

* * *

Что есть Вселенная – разросшиеся ли это ветви травы или разросшиеся это корни травы?
Что такое добро, длина ли это стрелы?

Что такое зло, глубина ли это стрелы?

Что есть Вселенная – условие ли задачи, записанное в эфире, или решение ее, записанное в явлениях?

* * *

Готический метод – решать проблему в лоб, вглубь, объективно, как саранча. Метод дьявола – интуиция, случайный поиск. Трясти задачу, пока из нее не вывалится золотая монета.

* * *

Всякая мысль вызывает отвращение, как одеяло, накрывшее пламя, как окрик свыше.

* * *

За смертью, за первым глотком вечности следует познание второго смысла символов.

* * *

Ежесекундно в нас сгорают александрийские библиотеки.

* * *

Искусство проходить сквозь стену. Изучать ее с нарастающим вниманием, обнаруживая ее неизбежную неоднородность, второстепенные несовершенства, потенциальные мелкие слабости. Накопление этой алмазной пыли-информации МОЖЕТ превратиться в лавину, взгляд начнет немного жечь, появляются фокусы света, малые гало и смерти. Разрыв происходит скорее, чем ожидалось – стена как бы помогает. Расширение точки разрыва можно делать уже при отливе воли; только инерция и измерение себя проходимостью стены.

Потом надо рассказать другим... Потеря дыры. Нельзя пройти сквозь стену – назад.

Эволюция

Может, земля – это чей-то зоологический музей. Все земные виды завезены каждый со своей планеты, где они представляли жизнь исключительно. Такая площадка молодняка.

* * *

Аизнь, бизнь, визнь, гизнь, дизнь – вот основные формы жизни, представленные на нашей планете.

* * *

В любовной спешке дешево нас приобрел создатель.

* * *

За 10 в степени 10, скажем, лет из лягушки можно сделать человека или двух.

* * *

Как искра по бикфорду бежит человеческое «сейчас» по тропке эволюции, приближаясь к взрыву. Детонация вызовет нового несравнимого гоминида.

* * *

Машина – это сюрреалистический человек, квинтэссенция нашего вкуса, самоцель и мера.

* * *

Приехал тип с другой планеты и решил, что люди – органы размножения машин. Он пытается постигнуть обычаи машин, расшифровывает как-то хаос гудков, жужжания станков, радио и т. п.

* * *

Слезть с дерева, начать разговор, выдумать огонь – непостижимо трудно. Рыбе вылезти на берег, самцу подойти к самке – подобного мы не смогли бы выдумать сейчас.

Прошлого не было. Время беспорядочно шарит фонариком по немалой темноте, выхватывая куски неподвижного объема.

* * *

Ни эволюции, ни даже регресса приличного не видно.
А чувствуется периодическое вращение знаковых систем.

* * *

Схема эволюции – иерархии циклов времени, стягивающаяся к пустому трону Бога. Какова степень независимости земной эволюции? Платим ли мы дань?

* * *

Эволюция только тактик, она не видит дальше мгновенья, но видит все в радиусе мгновенья. Она трудится (т. е. делает что-то неприятное, чтобы потом было легче) и не эволюционирует. Для сохранения понятия развития удобно считать, что механизм развития неподвижен. Метафизика стоит за спиной у любой диалектики.

* * *

Что, если у человека желание конструировать уже сильнее, чем у природы?

* * *

Поставить перед видом задачу, ввести летальный фактор.

За какое время вид решает задачу, т. е. через сколько популяций проявляются изменения особей, полностью нейтрализующие этот фактор? Сколь быстро исполняются распоряжения Бога? Это мера инерционности. Показывает ли она возраст и перспективность вида?

* * *

Каково N неполной индукции у различных существ, т. е. число повторений для выработки условного рефлекса при фиксированной значительности его для особей?

Обычно это 2, 3, даже 1, потому что в этом хаосе нужно ловить каждый удобный случай поесть, выжить, размножиться. Еще не пришел великий полдень, расхватано меньше половины добра и априори выгодней вступить в любую реакцию, чем не вступить.

* * *

Исследования сводятся в конечном счете обычно к перебору числа вариантов сравнимого с числом пальцев.

Возможно, что лоскут 1, 2, 3, ... 20 не репрезентателен для Чисел. Переход к большим переборам изменит архетипы.

* * *

Оптимальная стратегия: на все возможные вопросы «да или нет» отвечать случайным образом. Это надежнее любых индукций. Большое Ведро себя окажет. Случай удачливей личности.

* * *

Построить алгебру каждого организма на продолжительностях функциональных процессов.

Так, почти не замечая целесообразности, можно объяснить структуру, геометрию организма.

* * *

В N -ярусное трубчатое дерево запускать много муравьев по очереди. Очищать после каждого, чтобы система не имела памяти.

Цель – график распределения числа муравьев по

2 в степени N банкам в конце каждой ветви. Это анкета из N последовательных вопросов: «право»

или «лево»? Вдруг в виде инстинкта у муравьев

(единственная толпа на плоской поверхности, кроме людей) сложилось что-то вроде правил уличного движения?

* * *

Что возбуждает в женщине: геометрия силуэта или гипотеза о содержимом?

* * *

Первый страшный суд, первый Интеграл будут только началом в процессе повышения ставок.

Знаки

Дать название. Против двадцати томов подробного описания предмета встают пять букв – камикадзе.

Фермопилы, клеймение мустанга, азарт грубого дележа, волнующая краткость будущего. Мгновение неожиданно оборачивается лицом ко всему прошлому. Пуля требует равенстве с убитым.

* * *

Название – это специфический вирус для предмета.

Их разделяет пропасть размеров, давно ставшая качеством.

Название – жених предмету, прибывший из другой культуры.

* * *

Чем бессмысленнее элемент культа, тем древнее его целесообразность.

Чем неутилитарнее идея, тем позднее придет ее необходимость.

* * *

Мои записи – это описание механических движений, силуэтов и поверхностей отдельных предметов. Если взять любое абстрактное понятие и немного расшатать его смысловые обстоятельства, то часть этой энергии превращается в материю. Понятие обретает массу и поверхность. Поверхность, а не вес, не объем и уж не смысл, конечно. Для меня описание – это кратчайший прыжок страсти.

* * *

Слова – это юные звери, они занимают место. Они созывают звуки и строят отдалённые замки. Строятся в шеренги и замирают. Мелкая дрожь прутьев решетки.

* * *

Приблизиться к кухне мастера.

Жарко, судорожное всхлипывание масла, волосы в котле.

Густейший запах личности, интерьер смердит, хамит и лезет в люди. Нечистоплотность гениев. Они – заложники будущего в наших руках. Мастер обслуживает свое творчество как лифтер.

* * *

Есть надо не вместе. Спать надо не вместе. Отделенные высокими хребтами, стоят кабинеты мастеров.

Снуют подмастерья и делают выводы. Мастера встречаются друг с другом редко, как короли, и обмениваются дорогими подарками.

* * *

Вещь должна быть свежей, как кусок сырого мяса – любая страница с фразами, пятнами и формулами. Идеи, обнаженные как надежда и угроза, азарт, извращения из гремящего черного серебра, грохот шаров, брошенных в пустой зал серого кафеля.

* * *

Люблю слова любовью чистой и запретной. Осязаю их как поверхности веществ неловкими пальцами.

В молекулах слов мерцают, как на запылённой лампе, контуры иных предметов – совокупление контуров – точная наука шаманства. Пальцы трогают уголки губ и глаз. Не торгую словами, но не способен в одиночку есть блюдо из собственного мяса.

* * *

К максимально бессмысленному тексту, к фразе наибольшего удивления – текст священных книг, уставов и бреда: слова, пресмыкающиеся и земноводные, заново встающие за страхом и слабостью.

* * *

Искусство – ассенизация, уравнивание мелочей с главным.
Искусство замечать следы. Наслаждение хоронить мотивы.

* * *

Идея рождается как протест против всех предыдущих.
Она пантеистична, как щенок.

Пытается завязать знакомство с первым же встречным предметом. На двадцатой секунде холод рвет ее в талии: половину обратно в хаос, половину на полку в мрамор.

* * *

Провоцирую истерику, потом собираю осколки. Урны. Кладбище. Каждое движение и знание еще больше обуславливает меня.

Становлюсь мелочным и изобретательным. Что может быть печальней фактов и свойств, неотделимых от тела.

* * *

Если придет в голову удачное сравнение. Не легко, не трудно, а просто случайно упало на голову, как помет валькирий.

Гадкое наслаждение сделать из него центральную пуговицу для нового костюма.

* * *

Когда пишешь, надо рассчитывать, что боги просматривают всю литературу, появившуюся у людей. Чтобы тот, кто будет искать аналогии и толкования, разбился о подводные камни текста.

Пусть мотивы сможет постигнуть только наипрекраснейший и пусть они обратят его в камень.

Человек

В человеке столько изящества, излишней роскоши, украшений, достойных лучшего мира.

* * *

Мечемся друг за другом, вступаем и молниеносные союзы, как будто кто-то сказал, что скоро где-то будут давать бессмертие и силу, но не более двадцати пар.

Друг – это знать милые слабости, используя которые можно при случае проскочить перед ним на прием к Богу. Всякий стоит ровно столько, сколько о себе думает, и получит столько, сколько хочет.

* * *

Впитать в себя все общеживое, общеземное, отказываясь постепенно от чисто человеческого, все время расширяя понятие своего брата, друга, племени.

* * *

Люди обычно ищут самодоказательство вне себя, в порожденных ими изменениях мира.

* * *

Менять способности по умению создавать хаос и достойно вести себя там.

* * *

Моральный статус человека измеряют не его долей в обеспечении общественной удачи, а его долей в перенесении страданий.

Это идет с доморальных времен, с родительского и полового права. Считается, что шкала страданий тоньше, важнее и универсальней, чем радости. Люди больше боятся страданий, чем

хотят радости. Радость – это лишь осознание отсутствия страдания, неудача врага. Будто бы страдание первично.

* * *

Хорошо бы открыть новые мотивы для жизни, я то старые уже убывают.

* * *

Человек только сопутствует вещам, совершающим непонятные переселения. Я – пересечение вещей, содержимое пальто.

* * *

Через каждые десять минут в человеке возникнет новая личность, которая наследует организм. Жизнь сшивается из десятиминутки.

* * *

Идеи возмездия и жертвы – атавистическое воспоминание о нашем божественном происхождении. Ее лишены животные и гении. А наша месть щедра.

* * *

Аскетизм – это способ обойти опыт, тактику.
За протокольность в нем скрывается дикое барство ума.
Но аскет понимает риск: он может опоздать на внеурочную раздачу.

* * *

Информацию будут раздавать по карточкам.

* * *

Достоинство – забывать, не познавать.

Психоанализ – отыскивать в себе самом трепещущее дитя, чтобы раздавить его раз и навсегда.

* * *

В музыке осуществляется вековая мечта крысы о волшебном мире сала.

* * *

Человечество – подсознание Бога.

* * *

Человек – личинка ангела, прототип дьявола.

* * *

Это дурной дон, разбежавшийся зоопарк.

Боже, неужели мы и в самом деле предоставлены самим себе?

* * *

На Земле еще слишком мало людей. Еще не все возможные типы представлены среди живых.

Мы – еще толпа патрициев, родоначальников. Еще нет кворума для принятия решений.

* * *

Мы умеем ходить, плавать и летать, умеем говорить и передавать информацию на немалые расстояния, умеем добывать огонь и атомную энергию, мы знаем несколько способов делить добычу и кое-что еще. Мы молоды, о Боже, как мы молоды.

Черпаем информацию из хаоса слишком редким решетом.

Идет эпоха первоначального накопления знаний, и я – один из молодых идальго, покинувших континент, чтобы найти свое Перу.

* * *

В мозгу современного человека вырос Минотавр, требующий десять открытий в день.

Мы живем за счет непознанного, как и за счет флоры и фауны.

* * *

В окончательные моменты творчества совершается убийство пророков и исполнение проклятий. Но тут есть и неутилитарные цели инстинкта – барщина Богу.

Страх и ненависть

Чувствую себя объектом невидимого химического контроля со стороны общества и природы, и я хочу стать раковой клеткой. Только раковая клетка добивается диалога с организмом.

* * *

Пройти смерчем, оставляя за собой пылающие проблемы, переполняя дороги, прокладывая рельсы. И пусть уцелеют маленькие, ошалевшие от страха деревни черных муравьев. Пронзить одного из титанов, исчезая с ним.

Конечно, Боже, я могу и обмануть тебя...

Боже, не смотри, что я один; за моим голосом армия – 1 человек.

* * *

Жизнь – неподвижность капли в экстазе сорваться, выпуклые до касания глаза вахтерши, спокойствие, можно шалить.

Смерть – движение в темноте, сырые стены, от них легонько бьет электричеством. Низкие потолки, коридор военкомата, Боже, когда кончится эта лестница, промахнуться в темноте, МИМО... Приблизительность. Шар круглый, а тут протяженность, кровь хлещет из горла трубы.

* * *

Пробьюсь в кабинет Бога в его бетонном бункере, напорвшись в последний момент на пулю из его личного пистолета.

Превращусь в его страх и предам его в следующий подобный случай.

* * *

Ницше – это время года; зима, переходящая в весну.

* * *

Но так было всегда. А я все равно боюсь.

Нетрудно, приложив руки к груди, услышать там страх кистепёрой рыбы, выполняющей на берег. Укусить могут спереди и сзади.

Страх органической капли, пылинки из туманности. Страх – это золото, накапливающееся в процессе познания. Это вкус яблока, неисчерпаемость и неутолимость его.

* * *

Живу с тем чувством, что вся поверхность мира – раскаленная сковорода. После каждого шага прыгаю, возвращаюсь и т. д.

От этого – подвижность, любопытство, донжуания страха.

* * *

За крошку со стола богов отдам все человеческое. О, спрячь в себе, медная дверная ручка, клад моей ненависти.

Смерть

Простенькая радостная микромелодия, отделяющая жизнь от неорганического, предсмертный тихий звон рвущейся папиросной бумаги.

* * *

Большинство людей, подвергшихся смерти, умерло.

Смерть – это действительно серьёзная болезнь. Похоже, что все остальные болезни – только ее детонаторы. Смерть излечивается только в исключительных случаях; так редко, что многие не верят, например, в воскресение Христа. Вообще, по-видимому, возможности наших рук шире возможностей нашего воображения.

* * *

Умереть усилием воли.

* * *

Пусть пристально глядят акулы в иллюминаторы кают.

* * *

Люди, не выдержавшие последнего пустячного испытания, не договорившие заклинания. Окоченвшие трупы лежат в пяти метрах от великих открытий.

* * *

Издохнуть на берегу Великого Океана.

* * *

Не верю в смерть, не впущу серого волка. Если умру – не верьте ни одному моему слову. Он умер – значит, он лгал.

* * *

Когда изобретут бессмертие, смерть перейдет из аксиом в теоремы этики. Ведь нельзя же допустить массовое бессмертие.

* * *

Смерть. Прелесть последних минут, волшебство трещин в племени мрамора. Мужчины и женщины наконечника стрелы.

Пейзажи

Сверкает между сосен декольте реки.

Берега ее оторочены бегущими соболями.

Вода ее – чистая ртуть. Плывут в ней, незамеченные, стаи стальных иголок, оловянные бруски, колечки, чугунные плитки.

* * *

Письменный стол. Объемное слово разложено по плоскостям. Ветер через форточку выдувает на столе бумажные пузыри. Стекланные торы безумно легки. Вздрагивают на остриях предметов.

* * *

В отдаленных залах зеркальца для бритвы разбросаны твои отрубленные пальцы, волосы и уголки губ.

* * *

Шоссе ночью. Жемчужные лампочки прокусывают воздух до желтой крови. Ночь зализывает укусы влажным языком. Как кошки, перебегают дорогу черные автомобили. Проходят облака, как усталые воины после тяжелой победы. И гербовая печать луны освещает всю эту утварь – придает всему официальность.

* * *

Роскошь от развалин дома. Развалины моря и леса.

* * *

А если сейчас я иду и в глазах моих юношеское серебро... и руки темные и гибкие как бронза... А в порту южного полушария два часа ночи и дома оставлены на асфальте как горки грязной посуды. На улицах валяются корки хлеба и апельсинов. Ночные ветры изредка гонят по переулкам фантики от дорогих конфет – женщины в шуршащих платьях и ярких плащах. Они торопятся домой, обходя объедки, отворачиваясь молча от пристающих на перекрестках ветров. Дождь холодной водой сполоснул дома и кучи и уголки между будками... В ладонях катаются шарики. Поверхность их не отражает ничего снаружи и не пропускает никого изнутри.

* * *

Фонари – это маленькие лжинки, засыпавшие город.

Догмы представляют суммы степеней 2. Стекла – вы подражаете Ничему. Собираю оборванные телефоны – им надо вспомнить между собой. Собираю черепки зеркал – им тоже.

Положите все на место, как было. В заключение надо аккуратно всунуть лифты в темные пролеты лестниц.

Звуки

Журчанье булыжных струй. Лопаются глобусы.

* * *

Уже разбиты стекла в горошек цоканья копыт.

* * *

Шелест кованых подков все нежней и свежей.

* * *

Тремя выстрелами из пистолета убил стеклянную вазу.

* * *

В просторных внутренних залах гитары притихла одинокая муха. Эфир мягко колыхается, качаемый змеиной головой.

* * *

В серебряной оправе каменный плевок.
Плевок жемчужины в браслете.

* * *

Народ молчит, как раздавливаемый жук.

* * *

Коснуться. Игла. Стелется. Укол. Пирс. Цель. Дюз. Семь. Кесь. Лось.

* * *

Обезьяна: о-хо-хо йанисса, о-хо-хо йануну.

* * *

Гамма: Переключение Анджело, Убийца Птиц и Ленг тью Римли.

* * *

Аскет. алмаз, точка. Ацтек, агат, щадить.

Прикосновения

Ощупай меня рукой вора в темноте, рукой глухонемого и парализованного. Жужжи пчелой в моих волосах.

* * *

Реабилитация женщиной.

* * *

Глаза твои – кратеры презрения, волосы – рыжий пепел, фигура немного громоздка к поясу. Несколько грубых условностей – скулы, груди и бедра – небрежность, небрежность...

Лицо твоё – крашеный мрамор. Твоё теплое влажное тело я не смогу рассовать по всему Городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.